

A man in a light-colored shirt and dark pants is walking away from the viewer on a dirt path. The path is surrounded by vibrant yellow and orange wildflowers. In the background, there is a dense forest of evergreen trees, and further back, a majestic mountain range with sharp peaks and patches of snow under a blue sky with white clouds.

Александр Лекомцев

**Если проводник
не знает дороги**

Александр Лекомцев

Если проводник не знает дороги

«Автор»

2024

Лекомцев А. Н.

Если проводник не знает дороги / А. Н. Лекомцев — «Автор»,
2024

Комичного в нашей жизни немало. Особо опасен неведомый путь для тех, кто бодро шагает в неизвестность, доверяя свою судьбу ведущему или проводнику, не знающему дороги. Но комедия становится трагедией, если народ отдельно взятой страны идёт за «благодетелем», который ведёт его к гибели... ради процветания тех господ и дам, которые отказались принимать участие в таком походе. Найдутся новые хозяева всему тому, что осталось. Это бездельники, компрадоры, воры... Разумеется, уважения достоин патриот России Иван Сусанин, который привёл врагов Отечества в гиблое место. Но речь-то в пьесе идёт не о нём, а совсем о других субъектах со странными желаниями и планами.

© Лекомцев А. Н., 2024

© Автор, 2024

Александр Лекомцев

Если проводник не знает дороги

В двух действиях

Действующие лица:

Роман Павлович Крюков – врач-психиатр, 40-45 лет;

Раиса Федотовна – учитель истории, его жена, примерно, того же возраста,

События происходят в наши дни в гостиной обычной городской квартиры.

Действие первое

Обстановка проста: небольшая тахта, два кресла, журнальный столик. На нём, на самом краю, стопка газет; чуть в стороне – тумбочка, на которой телефон; рядом, прямо, на полу, – большой цветок. Возможно, шкаф, телевизор, компьютер...

На стене (на ковре или прямо на панно) – шестиструнная гитара.

Раиса Федотовна (в спортивном костюме, сидит на коврике в позе лотоса. Тут же, на полу стоит портативный дисковый проигрыватель, из которого негромко звучит медитационная, тантрическая музыка). Поднимает вверх руки, начинает громко ругаться:

– Какого чёрта тебе не сиделось дома! Ну, надо же! Какой умный, блин! Отправился за грибами! На кой хрен сдались нам эти грибы (подражает голосу сына)! «Мама, я уже взрослый самостоятельный, мне уже двадцать лет!» Птенец... оципанный! (начинает причитать). Мальчик мой, Федя! Вот уже восьмые сутки, как ты ушёл за... сыроежками! Разве можно собирать грибы восемь дней и восемь... ночей? Чёрт возьми! Хоть бы позвонил по мобильному телефону! (вскакивает на ноги, выключает магнитофон, ставит его в сторону, хватая со стола мобильник, нажимает на кнопки, кричит): – Алё! Алё, сыночек! Чёрта с два! Ни ответа – ни привета! Абонент временно не доступен. Он уже восьмой день временно недоступен. Ушёл за грибками, блин, ещё в минувшую субботу, и для меня, родной матери, недоступен. Милый мальчик, Федя! Бедный ребёнок! Ты, наверное, собираешь грузди и рыжики не в корзинку, а в железнодорожный вагон. Тебя, наверное, сожрали медведи или... волки! Сво-лочи! Им бы всё жрать и жрать! (встает, ходит по комнате). Надо что-то делать, надо что-то думать, надо действовать... Тоска в ожидании, и ожидание... в тоске! Но есть гитара. Она помилует и спасёт!

Снимает со стены гитару, садится с ней на тахту, играет, поёт:

– Через рошу напрямик
По грибы пошёл старик.
Только вот, одна оказия,
Заблудился, безобразие.
Брёл он долго, еле-еле,
Дни и месяцы летели.
И однажды в утро раннее
Дед пришёл – а тут Германия.

Он старухе пишет,
Что, как в масле сыр.
Был когда-то нищим,
А теперь банкир.
Чистил он штиблеты
Местных воротил,
Мелкие монеты
В марки превратил.
За тобой, Маланья,
Выслал самолёт.
В общем, до свиданья.
О, майн либер гот!

Бабка к самолёту жмёт,
Рядом движется эскорт.
С ней в машине представители,
Тех земель руководители.
Ей игриво улыбаются:
«Вы есть русская красавица!».
Бабка стала, как молодушка,
Деньги будут и свободушка.

Он старухе пишет,
Что, как в масле сыр.
Был когда-то нищим,
А теперь банкир.
Чистил он штиблеты
Местных воротил,
Мелкие монеты
В марки превратил.
За тобой, Маланья,
Выслал самолёт.
В общем, до свиданья.
О, майн либер гот!

Наш совет вам – от судьбы
Уходите по грибы.
Будьте умными, проворными,
Словно дедушка, упорными.
Только, чтоб достигнуть больше,
Проходите мимо Польши.
Может, к вам придёт везение
В утро раннее, осеннее.

Он старухе пишет,
Что, как в масле сыр.
Был когда-то нищим,
А теперь банкир.
Чистил он штиблеты

Местных воротил,
Мелкие монеты
В марки превратил.
За тобой, Маланья,
Выслал самолёт.
В общем, до свиданья.
О, майн либер гот!

(завершает пение, кладёт гитару на тахту, вздыхает. Резко звонит телефон на тумбочке. Подбегает, берёт трубку. Прикладывает её к уху, с волнением)

– Алё! Кто там, на проводе? Полиция? Слава богу, девушка! Вы нашли моего мальчика, Федю? Нашли! Господи, как я вам благодарна. Нет! Я понимаю, что это ваша работа, что ваша служба и опасна и трудна, но я всё равно... очень благодарна. Купите ему, хоть колбасы. Приеду – рассчитаюсь за всё. Куда я денусь? Нет. Я ни куда не денусь. Он же ничего не ел... восемь суток. Что? Он хочет манной каши. Боже мой, у него нервное расстройство. Извините, что? Он утверждает, что зовут его Вася! Бедный мальчик! Сорвало крышу! Да я это так... по-народному выражаюсь. Сейчас еду! Вы говорите, что он в пятый раз... обмочил штаны, и ему требуются запасные колготки. Этого ещё не хватало! Плохо ходит! Нести на руках? Но восемьдесят пять килограммов я не в состоянии унести на руках. Я не портовый грузчик, а всего лишь... учитель истории. Вы утверждаете, что он весит не больше семи-восьми килограммов. Что вы мне сказки рассказываете? Извините, моему Феде, моему мальчику, не три года, а двадцать лет. Ошиблись? Ничего, бывает. Нуда! Не в те данные посмотрели? Верно, я Крюкова, но не Мальвина Сидоровна, а Раиса Федотовна. Как это, какая разница? Разница... имеется. Я так полагаю. Я понимаю, что воскресенье. Но искать надо. Поймите, он не может пойти на дискотеку и находиться там восемь суток в резиновых сапогах и с корзиной. Да. Буду ждать. А чего мне ещё остаётся *(убегает в соседнюю комнату)*. Где мои таблетки? Чёрт возьми! И сердце, и давление, и... желудок!

Уходит. Появляется Роман Павлович. Он возвратился, счастливый и бодрый, из длительной командировки. С маленьким чемоданчиком руке, который ставит в сторону. К нему выбегает из соседней комнаты Раиса Фёдоровна, бросается на шею. Обнимает. В разстроганных чувствах. Он тоже её обнимает.

Роман Павлович: – Я понимаю, Раинька, милая соскучилась, истомилась... без мужика. Физиология. Я долго был в командировке... Но это... надо. Профессиональная необходимость. Сейчас схожу на кухню и выпью... супу какого-нибудь и – сразу же у нас с тобой начнётся активный постельный режим. Займёмся этим, допустим, эротикой. Мне в командировке, в Красноярске, прямо в гостинице, коллеги-врачи, показали... то есть рассказали об одной просто удивительной сексуальной позе.

Раиса Федотовна: – Какая, к чёрту, поза! Я и так уже... в такой дикой позе, что ты... не поверишь. У нас с Фёдей, с нашим мальчиком, не всё очень... благополучно.

Роман Павлович: – А ты ему с помощью тонометра давление мерила?

Раиса Федотовна: – Рома, ты псих или врач-психиатр? Кому я буду мерить давление, если нашего Феде восьмью сутками нет дома?

Роман Павлович: – Я понимаю, что тебе... хреново. Но смотрю (*показывает рукой на музыкальный инструмент*), ты на гитаре играешь.

Раиса Федотовна: – Она и спасает меня. Она есть, значит, я не сойду с ума! Ты же сам такой! Мы же с тобой в клубе бардовской песни и познакомились, «когда мы были молодыми»...

Роман Павлович: – Да. Помню. Гитара спасёт и всегда... поддержит (*переходит к сути дела*). Если ты не мирила Феде давление, то таблетки какие-нибудь дала...

Раиса Федотовна: – Очнись, Рома. Какие таблетки! Нашего сына нет дома восемь суток...

Роман Павлович: – Не понял (*садиться в кресло, перед журнальным столиком*). Повтори ещё раз. Что ты там говоришь про... восемь суток?

Раиса Федотовна: – Объясняю ещё раз... для самых гениальных! Сегодня воскресенье. А наш мальчик не вчера, а в предыдущую субботу, поехал за грибами с Савёловского вокзала, куда-то, к чёртовой матери, на станцию Водогон. Уехал, ты знаешь, на Бутырском поезде, который до Питера не ходит, тащится, как черепаха с симптомом хронического геморроя. Он поехал не один, а с Ваней...

Роман Павлович: – Успокойся и конкретизируй. С каким Ваней?

Раиса Федотовна: – С Ваней Сусаниным.

Роман Павлович: – Ага! С Сусаниным, значит. С Ваней? Замечательно то в данной истории, что я один из ведущих психиатров столицы. Поэтому медицинская помощь к тебе придёт стремительно... прямо сейчас. Причём, скажу тебе так, я специалист по выявлению, определению и поисков психических патологических синдромов. Об этом я и говорил в Красноярске на закрытом симпозиуме практикующих и учёных... психиатров. Ответь мне на такой вопрос. А ехал ли с ними в одном вагоне Бонапарт Наполеон?

Раиса Федотовна: – У меня тоже... высшее образование, причём, университетское, и не надо мне, Рома, тереть уши! Речь идёт о жизни нашего сына, Феде. А ты тут будешь долбить меня своими медицинскими терминами.

Роман Павлович: – Всё объяснимо, Раисонька. Ты – историк, отсюда и берёт свои корни... заболевание. Я бы сказал, что у тебя, пока вяло текущий, синдром Гиперболизации Внешней Среды.

Раиса Федотовна: – Это у тебя вяло текущий или... вяло стоящий!.. А Ваня Сусанин – наш сосед, из четвёртого подъезда, сантехник в жилищном управлении. И он совершенно не виноват в том, что Господь Бог дал ему такую фамилию, а родители – имя. Ты живёшь в этом доме с грудных лет и не можешь запомнить ни одной соседской физиономии. Вот у тебя, мой дорогой, не синдром, а вечный склероз.

Роман Павлович: – Ну, тогда я спокоен. Не так всё и запущено. Но у меня нет никакого склероза! Ты напрасно...

Раиса Федотовна: – Какого ж ты чёрта не можешь запомнить лицо, той же, соседки тётки Фроси, которая три раза в неделю бегаёт к нам занимать денег? Ты, как сельский босоногий мальчуган, спрашиваешь её: «Товарищ почтальон, а есть ли для меня письма?». А после таких, извини, диковинных вопросов ей сняться... кошмарные сны, и она забывает вовремя отдавать мне долг. Ты – диверсант! Вредитель! Враг народа! Ты не думаешь о нашем Феде! Ты вконец засиндромился от своих... синдромов!

Роман Павлович: – Ладно. Разобрались. Успокойся, Рая. В полицию сообщила?

Раиса Федотовна: – Сообщила. А что толку? Там, на телефоне, сидит такая же дамочка, как и ты... с головой не дружит. Она мне в течение долгого и утомительного времени нашла, вместо, моего Феде дюжину самых разнообразных граждан: прикинь, двух старушек, труп негра и вот сейчас... живого трёхлетнего мальчика.

Роман Павлович: – Да. У неё синдром Нереального восприятия действительности. А в моргах ты... была?

Раиса Федотовна: – Во всех! И много-много раз. Я уже там им всем надоела. Я не удивлюсь, если в очередной раз покойники будут вставать со своих лежанок и выталкивать меня за дверь.

Роман Павлович: – Что ж, осталось проверить канализации, подвалы, чердаки. Если там его нет, то он находится в жилом комплексе телевизионной передачи «Дом-2». Я сейчас туда срочно звоню! Но сначала налью себе стакан... борща.

Раиса Федотовна: – Как ты можешь принимать пищу в такие ужасные мгновения, когда наш сын вот уже восьмые сутки... собирает грибы?

Роман Павлович: – Очень просто. Для того, чтобы перемолоть один кусочек жареного мяса весом в двадцать граммов, в худшем случае, чёрствого хлеба, требуется двадцать-двадцать пять жевательных движений. Вот так я и принимаю пищу... тщательно пережёвывая.

Роман Павлович *уходит на кухню, слышатся звон посуды, кряканье, сопение.*

Раиса Федотовна *кричит ему вслед:*

– У тебя Синдром вечного голода и хронического ощущения недопития спиртного.

Роман Павлович (*кричит из кухни*): – Это интересно, Рая! Надо будет записать в блокнот, а потом внести в компьютер!

Звонит телефон. Раиса Федотовна поспешно берёт трубку.

Раиса Федотовна: – Алё! Полиция? Не полиция? А что же тогда такое звонит? Если вы не полиция, тогда почему вы мне звоните? А, ну да, поняла. Вы, врач-психиатр, Эльвира Михайловна. Вам срочно нужен мой муж, ни чей-нибудь, а мой... Роман Павлович. Как же... По делу. Понятно. Он у меня... деловой. Из командировки? Прилетел. Сейчас на кухне... Допивает водку двухнедельной давности. А вот теперь уже бежит – паркет дрожит!

Из кухни поспешно выходит Роман Павлович, торопливо дожжёвывая кусок колбасы. Тянет руку к трубке.

Роман Павлович: – У тебя, Рая, явный Синдром подозрительности и недоверия. Какую я водку пью? Я супу хлебанул граммов... сто пятьдесят. Не больше.

Раиса Федотовна: – А у тебя Синдром распутства... в такие минуты. Прямо ей... не терпится... по работе. Завтра придёшь в свой кабинет, и прямо на столе с ней и... активно поработаете.

Роман Павлович: – Я тебя, в последнее время, окончательно и не совсем понимаю. Мне звонят из больницы, товарищи... по этой... работе (*берёт трубку, слащаво спрашивает*). Ну и алло! И кто там такой на конце... провода? (*нежно и ласково*). Так это не вы, Григорий Семёнович? Немного сначала обознался... А как же? Узнал. Маргарита Аркадьевна? Нет?.. Понял, Эльвира Михайловна (*тон становится сухой и деловой*). Что? Каким это таким образом вы и за какую, простите, сумму наличными выписали больного Редькина. Заведующий отделением так решил? Григорий Семёнович? А я кто! Конечно, я, всего лишь, заместитель. Не удивлюсь, если окончательно и бесповоротно больной Редькин завтра же подпалит загородную дачу того самого Григория Семёновича. Почему? Да, потому, многоуважаемая Эльвира Михайловна, что у Редькина Синдром Герострата. Он... не излечим. Да не Герострат, а господин Редькин. Он до конца жизни будет всё и всегда поджигать. Что? Вот именно! А вы лечащий врач с Синдромом поспешности и в дальнейшем... простой российский безработный.

Раиса Федотовна: – Ты прекратишь, так по-скотски разговаривать с женщиной! Обиделся... Не та, понимаешь, ему позвонила. Ещё выбирает. Чего тебе выбирать. У тебя там, на один раз осталось... только в туалет сходить.

Роман Павлович (*в трубку, не обращая внимания на реплики жены*):– Безобразие! А мне плевать, что он – мой начальник! А я – его заместитель и специалист по синдромам. Меня вся Россия знает! Если Редькин где-нибудь и что-нибудь подожжёт, то флаг ему – в кулак! Я умываю руки! У нас? Да! У нас половина страны не долеченных, психически-ненормальных и четвёртая часть – невменяемых, на свободе. Я тоже невменяемый? Ну, знаете... Ты говори, Скворцова, да не заговаривайся! Понятно? Григорий Семёнович неизлечим... и на свободе, причём, как бы, ещё и руководит. У него, въезжай Скворцова, явный Синдром безответственности! Мне плевать! Можешь передавать ему мои слова! (*швыряет в гнев трубку, с не скрытым возмущением*). Им бы всех выписывать... раньше времени! Вон, в прошлом году психа не долеченного, Евсея Кокосова, выписали (*закуривает, садясь в кресло*). Так его депутатом выбрали...от какой-то партии, типа, «Смерть московским тараканам». А у него был и остался устойчивый Синдром разгильдяйства.

Раиса Федотовна (*тоже садится*): – Ну и что? Значит, достойный человек, если выбрали, и не такой тупой... как ты.

Роман Павлович: – Ты не выносима, Раиса! После того, как этот, всегда и во всём, душевнобольной Кокосов, который стал... избранныком народа, точнее, какой-то, партии, у нас, в Москве подорожал сахар и бензин!

Раиса Федотовна: – У тебя же, Роман Павлович, нет машины! Ты нищ и весь... в синдромах! Зачем тебе бензин? Ты, что, и его пьёшь?

Роман Павлович (*задумчиво, категорично*): – Бензин я не пью и керосин тоже, хотя он полезен для здоровья (*пересаживается на тахту, берёт в руки гитару, проводит рукой по струнам*). А психов и в нашей больнице много, и на свободе достаточно их гуляет. Не один Редькин или Кокосов (*играет на гитаре и поёт*):

– Вся жизнь моя в запарке,
Кругом сплошной аврал,
Но с другом в зоопарке
Я как-то побывал.
Верблюд, сова, куница,
Лев и гиббон-пострел.
Увидел я лисицу,
И тут же озверел.

Убить такую мало,
Моя тверда рука.
За что лиса сожрала,
Ребята, Колобка?
Ей стыд и срам не ведом,
Лиса не прячет взгляд.
Всю жизнь старуха с дедом
По колобку грустят.

Я клетку тряс с лисою,
Тряс из последних сил.
Своей душой босою
Лису я не простил.
Не буду жить я в страхе
Ни нынче, ни потом.
В смирительной рубахе
Свезли меня в дурдом.

Убить такую мало,
Моя тверда рука.
За что лиса сожрала,
Ребята, Колобка?
Ей стыд и срам не ведом,
Лиса не прячет взгляд.
Всю жизнь старуха с дедом
По колобку грустят.

Я выпишусь отсюда,
Как только захочу.
Ребята, гадам буду,
Лису я замочу.
Я подойду к решётке.
Не надо дело шить!
Мой приговор короткий –

Лисицу задушить!

Убить такую мало,
Моя тверда рука.
За что лиса сожрала,
Ребята, Колобка?
Ей стыд и срам не ведом,
Лиса не прячет взгляд.
Всю жизнь старуха с дедом
По колобку грустят.

Роман Павлович (*оставляет гитару на тахте, пересаживается в кресло*): – Ладно! Давай, в конце концов, успокоимся. Сейчас надо собраться с мыслями и что-то решать. А что решать? Ждать надо. Я уверен, что ты обзвонила уже всех и вся, и всю столицу... оповестила! Полгорода на уши поставила... Факт!

Раиса Федотовна: – А ты хотел, чтобы я спокойно раскалила на плите огромную сковородку и смотрела... через окно в туманную даль. Когда же мой сынок, Федя, принесёт свежих грибочков?

Роман Павлович: – Да, маслята со сметанкой хороши. Хоть бы Федя сегодня появился, я бы сейчас грибочков поел.

Раиса Федотовна: – Ты в разуме, папаша? Дорогой, Роман Павлович, у тебя что, в башне стрела? Сына (*почти всхлипывая*), может быть, в живых нет, а он грибочков... пожелал.

Роман Павлович: – Да я могу и завтра грибочков покушать, Раечка, или даже послезавтра. Потерплю. Куда ж деваться, если Фёдор так долго ходит (*задумывается*). Я начинаю понимать. У моего сына – Синдром грибника. У него даже мания, навязчивая идея... собирать грибы.

Раиса Федотовна: – У тебя, Роман, всё сводится к синдромам. По-твоему получается, если человек ходит часто по большой нужде, значит у него Синдром зас...

Роман Павлович: – Вот только пошлостей не надо. Раиса Федотовна, ты же почти... молодая и относительно культурная женщина, образованная, историк, можно сказать, а выражаешься, как... последний бомж. Не надо смеяться. У меня, в отделении, образно скажем, затяжных синдромов, нашей психоневрологической больницы лежал человек... Не помню, то ли Тюлькин, то ли Мулькин... неважно. Вот у него был неизлечимый Синдром грибника. Он ходил по грибы даже в январскую стужу, по лесу с ломиком. Тюлькин собирался выдалбливать боровики и подосиновики из-подо льда и снега. В квартире собственной грибы искал... возле унитаза.

Раиса Федотовна: – И как? Нашёл?

Роман Павлович: – Не знаю. Не интересовался. Может быть, и нашёл. Но не в этом дело... Я сейчас говорю о важности своевременного распознавания синдромов. На первой стадии любую болезнь можно излечить.

Раиса Федотовна: – Какой ты отец, если сына своего... несчастного в синдроме... грибом обвиняешь?

Роман Павлович: – Разве, дорогая, можно обвинять больного в том, что он больной? Но я считаю, что всё не так уж и плохо, как ты думаешь. Если они заблудились, то грибочков нажарят, напарят, наварят... не пропадут. Костёр уж, как-нибудь, разведут.

Раиса Федотовна: – Нет, подождут, пока к ним подойдёт псих, которого только что выпи-сали и у которого Синдром Герострата. Морковкин, кажется?

Роман Павлович: – Не Морковкин, а Редькин. Но он так далеко не пойдёт и не поедет. Он какой-нибудь городской киоск подпалит или...

Раиса Федотовна: – Вот у этого, соседа нашего, мужика, Вани Сусанина, который моего и твоего ребёнка Федю с собой в лес потащил, явный синдром.

Роман Павлович: – А сколько мужику-то лет?

Раиса Федотовна: – Ему уже двадцать один год, а нашему Федюше только двадцать.

Роман Павлович: – Тут, в общем-то, согласишься, Рая, в возрасте разница не очень большая. А почему-то Сусанин – мужик, а наш Федя – ребёнок. Что-то не вяжется. Кроме того, у них у обоих Синдром грибника.

Раиса Федотовна: – Ты всегда к собственному сыну относился по-скотски! У тебя Синдром мизантропа, человеконенавистника. Бездушный и чёрствый субъект! Ты понять не можешь, что у сантехника Вани Сусанина синдром совсем другой...

Роман Павлович: – Какой ещё другой? Ну-ка, говори! Мне интересно. Давай, подиску-тируем. Какой другой синдром?

Раиса Федотовна: – У Сусанина – Синдром Сусанина. Он специально берёт с собой людей в лес, заводит их в глухую чащу и бросает там. Он получает великое удовольствие оттого, что кому-то сделал пакость, что кого-то даже не бросил в беде, а чётко организовал эту самую беду.

Роман Павлович: – Рая, я всегда говорил, что ты гениальный человек. Вот именно! У Сусанина опасный Синдром Сусанина. Наобещать человеку... три короба грибов, а потом бро-сить его в лесу. Это... гениально! Да, психи от этого ловят кайф. Ещё у Максима Горького был такой персонаж – Данко. Он тоже куда-то и кого-то вёл.

Раиса Федотовна: – Ты путаешь, Ромка, кислое с пресным. У Данко не было никакой мании. Он вёл племя, образно говоря, к счастью, равенству и свободе, и вывел... с горем попо-лам. Он не собирался пакости устраивать. Там, получается, вроде как, дикари заблудились, а он их к дороге вывел.

Роман Павлович: – Правильно, к шоссе. Всё верно. Я тут не прав. Синдром Суса-нина! Именно так. Я знаю очень многих людей, которые обещают людям вывести их к счастью, равенству и свободе, великому благосостоянию, то есть в рай, а приводят в ад.

Раиса Федотовна: – Благими намерениями...

Роман Павлович: – Нет, Раиса, никаких благих намерений. А есть психическое заболевание и жуткая страсть делать людям гадости. Возможно, этот сантехник Ваня Сусанин давно уже сидит дома и ждёт у телеэкрана, кода же в городе Сочи начнутся очередные... олимпийские игры. Он – псих. Ему всё равно. Ваня будет ждать годами и периодически, планомерно и целенаправленно делать людям гадости. Такого типа люди от этого балдеют, а может, и получают сексуальное удовлетворение.

Раиса Федотовна (*вскакивает с кресла и почти бежит к телефону*): – Я сейчас позвоню мамаше Ивана Сусанина... Как же её зовут? А-а! Вспомнила! Мила Сергеевна (*берёт трубку, набирает номер*) Алё! Здравствуйте, Мила Сергеевна! Это с вами общается Раиса Федотовна Крюкова! Да-да! Та самая, у которой муж при... Ну, почему придурок? Он бывает очень умным... фрагментами. А Ванюша дома? Его нет? Он тоже не вернулся? Странно... Но он должен был вернуться. Он же... Сусанин. Поймите, Мила Сергеевна, я ни на что не намекаю. Я места себе не нахожу. А вы? Вы находите? Что? В прошлом году Ваня ушёл за грибами... как вы сказали... на целый месяц? Его нашли. Сам вышел. В Алтайском крае? Возле Барнаула. Вы... меня обрадовали. Значит, они туда и потащились... через Уральские горы. Хорошо, что сейчас лето. А то бы моего Феденьку из университета вышибли... за прогулы. Безобразие! Да я не возмущаюсь! Конечно, мой сын – Фёдор, но не Конюхов, который годами ходит... по всей Земле. Что-то там ищет? Вчерашний день. Если... Нет, кулинарного рецепта приготовления грибной солянки мне не надо. Меня уже от грибов тошнит. Понятно, Мила Сергеевна, вы позвоните, когда появится Ванечка... Сусанин. Будем держать связь.

Раиса Фёдоровна *кладёт трубку. Садится в кресло.*

Роман Павлович: – Вот видишь! Он так нашего сына далеко завёл, что даже сам не может найти обратную дорогу. Хоть и Сусанин, но пока ещё молодой и неопытный.

Раиса Федотовна: – Ты знаешь, Рома (*закуривает*), ты меня убедил. У некоторых наших учёных специалистов в области отечественной истории есть версия, что тот Сусанин, который поляков в лесные болота завёл, очень долго тренировался... перед тем, как капитально напасть врагам Московии.

Роман Павлович: – Я весь внимание (*достаёт блокнот и шариковую ручку*). Записываю. Каким образом тот, исторический Иван Сусанин, тренировался, то есть... психически деградировал?

Раиса Федотовна: – Он почти всех мужиков из своей деревни и соседних сёл с собой по грибы брал.

Роман Павлович: – И что?

Раиса Федотовна: – И ничего? Набирал с собой целую компанию, а возвращался один. Очевидцы пишут, что он, истинный российский патриот, от этого получал величайшее удовольствие. Ну, понятно, что, когда завёл в глушь целое вражеское полчище, то почувствовал себя, по меньшей мере, лауреатом Нобелевской премии. Даже смерти не испугался.

Роман Павлович: – Раиса, дорогая, и что, тому, что ты мне сообщаешь, есть неопровержимые доказательства, документальные подтверждения?

Раиса Федотовна: – Вроде бы, академик Панфильский нашёл в одной из древнерусских летописей такие строки. Я запомнила. «Куда хошь, ступай, человекче, пушай даже с самим сатаной, но токмо не с Иваном, коего Сусаном кличут. Я, раб божий, инок Агафий, поимел сие удовольствие ходити по блатам и чащобинам с Ивашкой, тако и до сей поры ишо дорогу к Москве отыскать не сподобилси. Так што царapyю энти строки пером гуся в Волоколамском скиту. Аминь».

Роман Павлович: – Получается, что Синдром Сусанина имеет глубочайшие исторические корни. У меня даже имеется предположение, что психическое заболевание переходчиво, то есть заразно. Возможно, передаётся воздушно-капельным путём. А может быть, ещё и половым.

Раиса Федотовна: – Ты совсем обалдел, Роман! Такого просто быть не может, потому что не может быть... никогда!

Роман Павлович: – Меня удивляет и настораживает ортодоксальность твоего мышления. Творчески надо мыслить, и тогда всё встанет... на свои места. Именно сейчас я предполагаю и не без оснований, что Синдром Сусанина – очень страшное заболевание. Если есть холерные палочки, то почему не может существовать «палочек Сусанина»? Запросто.

Раиса Федотовна:– Как вульгарно звучит: «Палочка Сусанина» или ещё Иванова, Петрова, Сидорова... А вот, к примеру, палочка Коха – нормально. Люди с подобными именами всё и везде назвали в свою честь. Даже колпачок Кафка...

Роман Павлович: – Рая, меня не интересуют колпачки и палочки твоих возможных знакомых. Я сейчас говорю о деле! Может быть, не только о великом научном открытии, но и назревающей катастрофе. Предполагаю, что глобальное потепление на Земле – полная ерунда по сравнению... с истиной чумой Двадцать Первого века – Синдромом Сусанина. И ведь самое страшное в том, что он имеет не только глубокие исторические корни, но и... будущее. А для Человечества такая реалья – неминуемая гибель.

Раиса Федотовна: – Вот гляжу я на тебя, Роман, и мне приятно. Даже радостно.

Роман Павлович (*настороженно*): – Опять приколы твои? Отчего это тебе так радостно, когда имеешь возможность глядеть на меня?

Раиса Федотовна:– Оттого, мой дорогой, мне приятно и радостно, что в природе существуют люди гораздо глупей меня.

Роман Павлович: – Только вот пошлостей не надо говорить ведущему специалисту страны по синдромам. Ты лучше вот слушай и радуйся тому, какой у тебя проницательный муж. Катастрофа назревает глобальная (*пауза*). Даже на высоком государственном уровне в России Синдромом Сусанина страдали не только цари, но и... к примеру, тот же Владимир Ленин-Ульянов. Ему до лампочки Ильича было, выведет ли он народ к светлому будущему, тем более, он знал, что не выведет... Главное заключалось в другом – архи важно было суметь напакоstitь великому множеству людей. В этом его великая историческая миссия! Ленин пре-

красно понимал, что никакого социализма или там коммунизма в стране построено не будет. Утопия! Злая и страшная сказка. Но он умышленно привёл не только всю Россию, но и другие страны в тупик, а сам отправился... отдохнуть, на заслуженный отдых, на Воробьёвы горы, которые по этой причине называли даже Ленинскими. Народу полегло... миллионы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.